

Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа

С. А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук

E-mail: krass49@gmail.com

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Проблематика 1920-х гг. при кажущейся изученности остается полем научных дискуссий и требует очевидного переосмысления, поскольку затрагивает ряд существенных сторон взаимодействия институтов власти с социально и экономически активными слоями общества, таких как характер и динамика легитимности и восприятия власти; конфликтность в сфере социально-трудовых отношений; природа и динамика социальной напряженности. Данные годы рассматриваются нами как конфликт нормальных социально-экономических правил и практик и доктринальных интересов институтов власти в сохранении своего доминирования. Представляется, что среди комплекса причин, «погубивших нэп», основным выступал не столько политико-экономический, сколько кризис легитимности власти, доверия и поддержки ее большинством населения, подвигнувший большевистское руководство к реставрации апробированной в годы Гражданской войны идеократической и охранительно-мобилизационной модели управления обществом. Рассматриваются такие стороны кризисной легитимности, как манипулирование социальной напряженностью, разрывы между пропагандой и реальностью, приводившие к десакрализации власти, трудовым конфликтам, рабочему протесту.

Ключевые слова: диктатура; кризис легитимности; социальная напряженность; трудовое законодательство; трудовые конфликты; рабочий протест; нэп

«Всякий знает, что количество рабочего и крестьянского населения в первые же недели Октябрьской революции бешено возросло. Почему? Да просто потому, что каждому хочется жить. Просто жить. Дело обыкновенное».

П. Романов. Право на жизнь или проблема беспартийности (1927)

Постановка проблемы

Феномен советской России 1920-х гг., названный временем «новой экономической политики», или нэпа, представляется ныне своеобразным транзитным переходом от завершившейся эпохи войн и революций (1914–1922) к утверждению персоналистского режима И. В. Сталина, временем, когда происходили демонтаж чрезвычайных, милитаризированных, мобилизационных мер институтов власти по контролю над базовыми сферами жизнедеятельности общества и возвращение (в определенном смысле

регенерация) к нормализации экономических, социокультурных и других отношений.

В дискуссиях, которые вели в конце 1980-х – начале 1990-х гг. историки, экономисты, политологи вокруг феномена нэпа, проявились две полярные позиции – условно «нэпофилов» и «нэпофобов». Тем не менее обе стороны сходились в том, что нэп был обречен, поскольку возникало непреодолимое противоречие между, выражаясь марксистским языком, экономическим базисом (многообразием форм социально-экономической реальности) и политической надстройкой (партийное государство).

Более мягкой модификацией этого редуцированного представления о 1920-х гг. была дискуссия об альтернативах сталинизму, где в качестве одного из вариантов выдвигалась «бухаринская альтернатива», предусматривавшая трансформацию соотношения экономики и политики в модель «неонэпа» [Данилов, 1990]. В терминах перестроечного времени в данном предметном поле противостояли друг другу два лозунга: «Иного не дано» и «Дано иное» (авторство последнего принадлежит Теодору Шанину). Появилось «сценарное» направление, представленное рядом работ зарубежных и отечественных исследователей, основанное на подходах клиометрии и возможностях моделирования экономических и социальных процессов 1920-х гг. (с вариантами контрфактического и имитационно-альтернативного моделирования) [Бородкин, Свищев, 1992].

Последнее направление, хотя и носит гипотетический характер, высвечивает острейшую и одну из приоритетных проблем, связанную с «ценой преобразований в человеческом измерении». Речь идет не о «переписывании истории», а о получении инструментов для переосмысления роли, значения и масштабов утрат, растраты человеческого капитала, происходивших в экстремальных условиях, связанных в данном случае с утверждением персоналистского режима. При этом сама дискуссия об альтернативе сталинскому режиму продолжается, хотя в ней доминируют сторонники лозунга «Иного не дано» [Есиков, 2010].

Даже при условии признания базовым противоречием 1920-х гг. несовпадения целей и интересов политической верхушки и основной части трудоспособного, экономически самостоятельного населения страны, необходимо выявить ключевые механизмы этого несовпадения, имевшиеся

согласования/рассогласования целей и интересов сторон и логику развития событий. На наш взгляд, одной из приоритетных для изучения является проблема взаимоотношений¹ между режимом и социумом именно в плоскости легитимации¹ власти в сознании и поведении основной социально и экономически активной части общества в 1920-е гг.

В советской, да и в постсоветской историографии сохраняется априорно утвердившееся представление о том, что партийное государство, испытывавшее острый кризис социального доверия и поддержки, преодолело его после Гражданской войны, пойдя на определенные социально-экономические уступки крестьянству, а в последующие годы и десятилетия кризис легитимности был преодолен практически окончательно и навсегда.

Вместе с тем в постсоветский период в отечественной и зарубежной историографии появилось исследовательское направление, обосновавшее тезис о перманентном кризисе легитимности режима (феномен кризисной легитимности), который в различных формах и масштабах сопровождал весь советский период. На наш взгляд, именно противоречие/разрыв между самолегитимацией/легальностью власти и реальной ее легитимностью было стержнем процессов и событий 1920-х гг., которые мы рассматриваем.

Легитимность большевистской власти как исследовательская проблема

В ряду работ, где данная проблематика поставлена и рассмотрена применительно к 1920-м гг., отметим две публикации – монографию О.В. Великановой, опубликованную впервые на английском языке в 2013 г. и переведенную на русский в 2017 г. [Великанова, 2017] и статью О.С. Березкиной [Березкина, 2016].

Подход этих исследователей базируется на том, что самолегитимация большевистской власти не тождественна ее безусловной поддержке обществом. Рассматриваются причины, характер и формы проявления кризиса легитимности, «который в сочетании с экономическими, политическими и социальными проблемами внутри страны и неудачами на международной арене

¹ Не легализации, поскольку власть устанавливалась и утверждалась законодательно и нормативно

сыграл важную роль в переходе большевиков к репрессивным и диктаторским методам правления» [Великанова, 2017. С. 4]. Внимание акцентируется на аспектах, ранее не входивших в форматы анализа: «Понятие легитимности означает доверие к власти, одобрение власти, согласие с ее принципами и проводимой политикой. Это не юридический процесс, а процесс общественного признания, в котором правовое закрепление является лишь одним из источников... законная власть <обречена> испытывать тяжелый кризис легитимности» [Березкина, 2016. С. 121].

Признаками кризисной легитимности О.С. Березкина называет ограниченные возможности массовой и всеохватной индоктринации общественного сознания населения, особенно в деревне; состояние разрыва между пропагандой и социальной реальностью, между верхами и партийной массой, между ожиданиями предпочтений для пролетариата и реальным положением рабочих и т.д. О.В. Великанова обращает внимание на кризисные явления в настроениях и поведении не только пролетарского «ядра власти», но и внутри самой партии, рассматривая в качестве модели реакцию городского и сельского населения на мобилизационные кампании государства, справедливо полагая, что степень участия и поддержки данных мобилизаций выступает достаточно четким индикатором той самой легитимности власти.

Одной из первых О.В. Великанова достаточно квалифицированно и критично проанализировала итоги двух крупнейших политических кампаний 1927 г. – против угрозы войны (т.н. «военная тревога», вызванная обострением отношений с рядом стран) и празднование 10-летия Октябрьской революции. В каждой из них власть получила сигналы от партийно-советских и спецслужб о неожиданно опасно низком для себя уровне доверия и поддержки даже со стороны групп, считавшихся ее надежной опорой (рабочие, служащие, основная масса крестьянства).

Ответом на слабость и противоречивость действий институтов власти является процесс делегитимации режима, который можно представить как зеркальное отражение на массовом восприятии его мероприятий, призывов, директив и т.д. Одним из проявлений такого рода является отношение общества к усилиям власти по выстраиванию собственного позитивного образа, ее персонификации, сакрализации. Так, основанием для появления одной из «кризисных точек» в 1920-е гг. было неустойчивое

состояние авторитарно-патерналистской модели (сакрализации), которая еще не оформилась в эпоху войн и революций. Пантеон героев оказывался «текучим», из него то и дело изымались легендарные фигуры, оказавшиеся в оппозиции Сталину и его окружению, что, безусловно, подрывало доверие к власти.

Процесс сакрализации власти состоял из двух в известной мере разнонаправленных феноменов – формирования, с одной стороны, центрального персонажа в лице харизматического лидера, с другой – образа коллективного руководства в виде партийно-государственных деятелей. На 1920-е гг. приходится состояние перманентного кризиса сакрализации власти, который ее подтачивал, ослаблял. Достаточно вспомнить, что в начале нэпа в стране огромными тиражами выходили тома произведений (статей и речей) Л.Д. Троцкого (21 том), Г.Е. Зиновьева (15) и Л.Б. Каменева (12), которые с конца 1920-х гг. столь же массово изымались из библиотек.

Кульминацией стало исключение оппозиционных лидеров из партии на прошедшем в конце 1927 г. XV съезде ВКП(б) и последовавшие затем репрессии, коснувшиеся предположительно от 8 до 10 тыс. активных оппозиционеров. Предшествовавшая съезду дискуссия велась уже в репрессивном формате, где применялись различные средства для недопущения выступлений оппозиционеров. В ней приняли участие почти 730 тыс. членов и кандидатов в члены партии. Около 470 тыс. чел. в дискуссии не участвовали. И хотя далеко не все из них разделяли взгляды оппозиции, можно предположить, что в этом проявился своеобразный абсентеизм, связанный с апатией, разочарованием и неверием в партийные лозунги.

О.В. Великанова со ссылкой на партийные источники отмечала, что высшее партийное руководство, «получив информацию о более чем 100 тыс. выбывших из ВКП(б) как за 1926 г., так и в результате партийной переписи 1927 г., назвало происходящее „массовым исходом из партии“» [Великанова, 2017. С. 117].

Социальная напряженность как исследовательская проблема. Опыт 1920-х гг.

Феномен социальной напряженности традиционно является предметом анализа социологов и политологов, рассматривающих современное им состояние общества. Одних интересует

политический вектор, связанный с отношением групп общества к институтам власти, других – в большей степени социальные аспекты, влияющие на поведение населения и его восприятие действий власти (уровень жизни, возможности мобильности и т.д.). Отдельным и самостоятельным направлением с 1990-х гг. стало изучение трудовых конфликтов, протестного поведения в сфере труда, позволяющее делать аналитические заключения об уровне напряженности, предшествующем и/или сопровождающем трудовые конфликты.

Историческая конфликтология применительно к раннесоветской истории находится ныне в стадии формирования своего предметного поля, подходов и методов. Выскажем несколько положений, которые могут быть операционализированы в дальнейшей работе с эмпирикой.

Рассматривая структуру напряженности, можно выделить в ней, во-первых, институциональную основу, то есть те структуры, которые выступают ее акторами – как правило, это институты, создающие, использующие, регулирующие процессы и состояния социальной напряженности (для нашего исследования это партийно-государственные структуры). Во-вторых, выделяются акторы, действующие в своих (групповых, корпоративных) интересах, противоположных институтам власти. Они формируют криминогенную ситуацию (уровень и структуру преступности и теневой экономики).

Для 1920-х гг. характерно формирование симбиоза, сращивания спекулянтов и криминала с коррупционными группами во властных структурах. Разоблачение коррупционных очагов (Смоленское дело, Артемовское дело, Астраханское дело и т.д.) подавалось пропагандой и освещалось в печати как «очистка» советского и партийного аппарата от разложившихся под влиянием частных чиновников и партийцев. Не случайно Н. И. Бухарин в одной из своих речей весной 1928 г. упоминал о «целом созвездии гнусных дел, которые заставляют нас кое над чем задуматься» [Бухарин, 1990].

Скажем, в ходе тотальной кадровой «чистки» Смоленской губернии в 1928–1929 гг. было уволено, исключено из партии и частично осуждено более тысячи руководящих работников [Кочаненков, 2020]. В Сибири наиболее резонансным событием в проводившейся кампании по борьбе с «разложением» в собст-

венных рядах стало т.н. «Дело Лосевича». Е. В. Лосевич, крупный, по сибирским меркам, аппаратный деятель, член партии с 1904 г., бывший политкаторжанин, работавший в губернских органах Иркутска, выступал в роли главного обвиняемого на длившемся почти месяц открытом процессе и приговорен в начале 1927 г. к расстрелу за растрату государственных средств [Кудея, 2016]. Сами показательные процессы над носителями власти призваны были способствовать снятию градуса социальной напряженности и продемонстрировать потенциал к самоочищению органов от «разложившихся элементов», однако подобными инсценировками скорее власть усиливала недоверие к себе, не решая проблемы разрастания должностных преступлений. Так, если в структуре видов преступности в Сибири во второй половине 1920-х гг. статистика показывала в целом стабилизацию и даже некоторое снижение основной уголовной преступности, то масштабы должностных преступлений росли – осужденные по ним составляли 9% в общей массе приговоренных судами в 1928 г.²

Другое измерение социальной напряженности необходимо анализировать со стороны его атрибутивности (т.е. внутренней встроенности в социальные процессы). Речь идет об изучении качественных признаков, которые проявляются в степени (интенсивности) тех или иных социальных действий, в условиях и причинах, их вызывающих. В данном аспекте качеством напряженности является противостояние самих принципов организации и структуры жизнедеятельности, столкновение двух порядков – нормальности, органичности, привычности, с одной стороны, и избыточности, экстремальности, мобилиционности – с другой. Что имеется в виду? Если под нормальностью понимать жизнеобеспечение, мотивацию и стимулирование социальной деятельности, адаптированные к принятым и работающим нормам, то определенным ее антиподом выступает навязываемая извне избыточность, экстремальность, мобилиционность, обязательность, принуждение и т.д., порождающие напряженность – состояние конфликта.

Если рассматривать динамику социальной напряженности в контексте проявлений открытых либо латентных конфликтов, нетрудно выделить ряд стержневых условий и обстоятельств,

² Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск. 1930. С. 795–797.

постоянно действовавших на протяжении всего периода. Две центральные («осевые») линии напряженности, носившие цивилизационный характер, это, безусловно, «деревня – город» и «труд физический – умственный».

В обоих случаях действовали некие установки, стереотипы, воспроизводившиеся и укорененные опытом нескольких поколений. Наряду с реальными разрывами в образе, уровне и качестве жизни, «деревня» противопоставляла себя «городу» еще и потому, что он ассоциировался с «властью», источником силы, принуждения, дискриминации и т.д. Практически все значимые кризисные экономические явления 1920-х гг. (кризис сбыта, товарный голод, хлебозаготовительный кризис) имели под собой очевидную «размычку» города с деревней – конфликт социально-экономических интересов сельских самостоятельных слоев населения с институтами власти. В то же время среди рабочих было распространено чувство собственной дискриминированности и зависимости от специалистов и управленцев на производстве, антиинтеллигентские настроения, получившие наименование «спецедействия».

В свою очередь специалисты были не удовлетворены как снижением своего уровня жизни, так и тем, что оказались по ряду параметров в дискриминируемом положении в сравнении с рабочими и крестьянами (доступность для детей получения высшего и специального образования, защита прав через профсоюзы, барьеры в представительстве в партии и выборных органах и др.).

Другие социально и экономически активные слои населения, занимавшиеся самостоятельными занятиями, испытывали, помимо налогообложения, дискриминацию в сфере политических и гражданских прав. Так, к концу 1920-х гг. избирательного права были лишены около 4 млн чел. (до 5% взрослого населения в сельской местности и до 7% городского).

Здесь мы подходим к принципиальному моменту: большевистский режим изначально был режимом мобилизационного типа. Партийное государство – это некий гибрид партийного режима и государственности. Если при некоторой репродукции представить партию как «орден меченосцев» (сталинское определение), логично было бы предположить, что из всех институтов власти именно партия являлась полностью мобилизационным по своей жесткости и обязательности институтом.

Именно она выступала в России главным двигателем и регулятором социальной напряженности, инициируя и поддерживая мобилизационные кампании.

Последние реализовывались по принципам конфликтной мобилизации, где консолидация вокруг партийного государства базировалась на конфронтационном противопоставлении «мы – они». Не случайно доктринальный тезис сталинского режима формулировался как «обострение классовой борьбы», что на практике означало непрерывное поддержание и провоцирование социальной напряженности, превращение конфликтной мобилизации в постоянно действовавший и возобновляемый (хотя, как оказывалось, до известных пределов) ресурс, который с неизбежностью переходил в состояние скрытого, латентного неповиновения части трудоспособного населения политике и планам партийного государства.

«Мы размахнулись в нашем законодательстве...»

Следует отметить, что в 1920-е гг. важнейшим индикатором транзита от чрезвычайности военных лет к нормальности мирного времени во всех сферах социальной и экономической жизни, включая и административно-управленческую, стало фронтальное отстраивание правового поля. В 1922 г. были приняты Кодекс законов о труде (КЗоТ), Земельный кодекс (ЗК), Гражданский (ГК) и Уголовный кодексы (УК), произошло реформирование судебных и репрессивных органов, возник институт прокуратуры и т.д. Несколько позднее формируются правовые основания для реализации кодексов – Гражданский процессуальный (ГПК, 1923) и Уголовно-процессуальный (УПК, 1924).

Весьма примечательно, что «годом кодексов» стал именно 1922-й, хотя начало разработки большинства законодательных актов датировалось 1921-м годом. Продолжительность прохождения/обсуждения базовых кодексов в интервале от года до полутора, очевидно, объясняется тем, что во-первых, требовали «перелицовки» законодательные акты, спешно принимавшиеся в 1918 г. (начиная с Конституции РСФСР, заканчивая КЗоТом), во-вторых, некоторые из них (ГК/ГПК, ЗК, УК/УПК) создавались заново, что требовало проработки ситуации, сложившейся в стране после завершения фазы активной Гражданской войны, и учета

их действия на перспективу. В-третьих, были необходимы определенные межведомственные согласования: при обязательности участия в разработке кодексов Наркомата юстиции требовалась их проработка в увязке с профильными наркоматами – Труда, Земледелия, Внутренних дел и др.

Время синхронного принятия/утверждения ВЦИКом Гражданского, Земельного и Трудового кодексов (30 и 31 октября 1922 г.) – это канун широко отмечаемого 5-летия Октябрьской революции, к чему приурочивалась и широкая амнистия, нацеленная в том числе на возвращение из-за рубежа некоторой части эмигрантов, подпадающих под нормы амнистии. Другим фактором, стимулирующим принятие системы кодексов, было предстоящее вскоре государственное объединение отдельных республик в Советский Союз, в правовом пространстве которого кодексы РСФСР должны были быть использованы в качестве нормативных эталонов.

Парадоксальность процессов кодификации разных сторон жизнедеятельности населения страны бросалась в глаза. Отвергая все «буржуазное» в правосознании, заменяя его «революционным» и при этом давая понять, что «командные высоты» в правоприменении кодексов будут оставаться в руках партийного государства, большевики не оставляли намерений представить эти правовые документы внешнему миру как ориентир для подражания. При этом действительная прогрессивность ряда положений советской кодификации в «чистом виде», без учета возможности их практической реализации (гарантированная продолжительность рабочего дня, защита интересов трудящихся через профсоюзы, равные права женщин на производстве, учет особенностей труда для подростков и т.д.) была своего рода вызовом трудовому законодательству зарубежных стран.

Однако уже некоторое время спустя после принятия КЗоТ большевистских лидеров охватило ощущение, что его положения будут сковывать планы руководства. Отнюдь не случайной оказалась оговорка, допущенная в 1924 г. членом Президиума ВСНХ СССР и членом ЦК профсоюза металлургов А. Ф. Толоконцевым: «Мы размахнулись в нашем законодательстве в такой период, когда мы ожидали, что европейская революция вот-вот постучится в дверь, и тогда наше трудовое законодательство было построено в расчете, что мы по существу очень близки

к социализму. Кодекс о труде составлен в 22-м году, когда коммерческие расчеты у нас еще не были подсчитаны, положение не было таким сложным, можно <было> платить безразлично и за рабочее время, и за простои»³.

Далее рассмотрим некоторые причины и механизмы того, как в трудовой сфере сосуществовали две модели конфликтного действия – разрешительные (регулируемые законодательно) и разрушительные, деструктивные.

Конфликты разрешительного характера

Среди механизмов регулирования социально-трудовых отношений, предусмотренных новым КЗоТом, особая роль отводилась процедурам разрешения конфликтных ситуаций. Конструкция «конфликтологической лестницы», согласно разделу XVI «Об органах по разрешению конфликтов и рассмотрению дел по нарушению законов о труде», состояла из трех инстанций (снизу вверх). Сначала спорные вопросы в трудовых коллективах, где были профсоюзы, рассматривались в расценочно-конфликтных комиссиях (РКК). Если соглашение не достигалось, вопросы переносились в примирительные камеры (ПК, которые впервые были законодательно легализованы в России после Февральской революции, имели паритетное представительство работников и администрации). Там рассмотрение шло уже на более профессиональном правовом уровне. В случае отсутствия договоренности на этой инстанции спор переносился на третий, высший уровень – в третейские суды (ТС), где суперарбитр с согласия конфликтующих сторон или по назначению наделялся полномочиями вынесения окончательного вердикта по существу конфликта.

При кажущейся сложности этой иерархии, в ней был заложен рациональный смысл: наиболее простые и очевидные споры регулировались решениями РКК прямо на производстве и в учреждении либо в примкамерах. Более «тяжелые» передавались в третейские суды, заседания которых по степени формализации процедур уже приближались к рангу слушаний в народных судах.

Представители местных органов Наркомата труда (НКТ) участвовали в деятельности ПК и ТС, как правило – в руководящей

³ Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. В 2-х томах. Т. 1. М. С. 110–111.

роли. Органы труда выступали и надзорной инстанцией, куда спорщики могли обращаться для обжалования решений РКК, ПК и ТС. Для Наркомата труда, в сферу компетенций которого входило также регулирование рынка труда, заработной платы, охрана труда и социальное страхование работавших, это была одна из пяти базовых функций, однако узлом социально-трудовых отношений становились именно конфликты, ибо сквозь них преломлялись интересы работников и работодателей.

Помимо несудебного порядка, существовала также возможность рассмотрения трудовых споров в суде, в связи с чем многие конфликтные случаи «уходили» из сферы прямого регулирования трудовых отношений через КЗоТ в сферу действия народных судов. Последним приходилось проводить отдельные сессии по трудовым делам, куда в качестве экспертов приглашались работники Наркомата труда и юристы-консульты предприятий и учреждений, а сами работники могли нанимать защитников для отстаивания своих интересов. Соответственно, в надзорных органах прокуратуры потребовалось введение специалистов по трудовым спорам (трудовая прокуратура)⁴.

На первый взгляд, столь иерархически выстроенная и усложненная система регулирования конфликтов должна трактоваться как воплощение тенденции бюрократизации сферы труда, ведь было бы гораздо проще пойти по пути редуцирования разбора конфликтов, разрешая их на первичном уровне – внутри трудовых коллективов или в низовых народных судах. Однако на деле именно наличие таких структур, как РКК, ПК и ТС существенно расширяло возможности по защите интересов работников в правовом поле КЗоТа (вне зависимости от того, в каком из секторов экономики они работали – государственном, кооперативном или частном). В ином случае работник при конфликте с работодателем был бы вынужден сразу сталкиваться с куда более жестко работающей судебной машиной. «Конфликтологическая лестница» с ее ступенями не просто допускала, а предусматривала равенство возможностей обеих сторон (работников и нанимателей) при разрешении споров, подкрепляя это альтернативностью выбора (в какие инстанции обращаться).

⁴ Становление данного направления связано с деятельностью А. М. Стопани, известного профессионального революционера, имевшего юридическое образование и ставшего первым прокурором РСФСР по трудовым делам (1924–1929).

Если проследить позиции субъектов социально-правовой ответственности в трудовой сфере (профсоюзы/администрация/органы НКТ), то в отношении соблюдения требований и норм КЗоТ реально просматривалась связка профсоюзов и органов труда. Иными словами, НКТ в лице своих представителей выступал регулятором и гарантом соблюдения законодательства при разрешении конфликтов между работодателями и работниками, стремясь учитывать не только баланс интересов сторон, но и такой тонкий аспект, как провозглашаемые социально-политические предпочтения для трудящихся (до середины 1920-х гг. 3/4 рассмотренных РКК споров решались в пользу работников).

Для характеристики работы двух других ступеней приведем статистику по конфликтам, разбиравшимся в ПК и ТС при губернских отделах труда в Сибири в третьем квартале 1925 г. Всего примирительно-третейское разбирательство охватило 64 конфликта, затронувших 3,7 тыс. чел. (52 – в государственном секторе и 12 – в кооперативном). Предметом рассмотрения были споры вокруг пересмотра или трактовки отдельных пунктов коллективных договоров и тарифных соглашений (14), а также связанные с зарплатой, увольнениями (50). В результате разбора 46 конфликтов были решены в пользу работников, девять – в пользу нанимателей, столько же окончились взаимным примирением интересов сторон⁵.

Форма собственности предприятия (государственная или частная) принципиально не сказывалась на решении органов НКТ, которые регулировали деятельность примирительных структур. Более того, если, помимо производственных вопросов в рамках споров по коллективным договорам, затрагивалась социальная или культурная сфера, ответственность за ее развитие возлагалась на работодателя. Сказанное может служить веским аргументом в пользу того, что в середине 1920-х годов сфера социально-трудовых отношений не только в правовом плане, но и в практике применения в целом соответствовала нормам «государства для трудящихся».

⁵ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Вып. 1 (1922–1928 гг.): сборник документов и материалов. Новосибирск, 2017. С. 14–15

При всех очевидных позитивных сторонах лестницы трудовой конфликтологии последняя не обладала логической стройностью и завершенностью. Вне ее охвата оставалась громадная сфера отношений в аграрном секторе экономики, где наем рабочей силы продолжал носить традиционный, не фиксированный договорами характер. Созданные в середине 1920-х гг. и работавшие при РИКах примирительные комиссии, призванные разрешать конфликты в деревне, оставались неэффективными, а роль регуляторов играли устные договоренности, превосходившие силу официальных документов. Практика деятельности примкомиссий показывала, что сами органы не пользовались доверием в деревне, а при возникновении даже документированных жалоб работников на действия нанимателей последние предпочитали их улаживать компромиссом. Иначе говоря, внутридеревенский мир обладал своими механизмами разрешения конфликтов, скорее не допуская их возникновения, оставляя за комиссиями внешнюю угрозу санкциями.

Поле трудового законодательства начало неотвратимо трансформироваться под давлением императивов обеспечения «форсированного создания основ социализма» уже в годы первой пятилетки. Осенью 1928 г. был принят ряд правовых документов, фактически сужавших полномочия конфликтных органов и надзорные функции Наркомата труда в сфере трудового законодательства.

Под флагом борьбы с недопущением конфликтов, «не являющихся неизбежными», произошла жесткая регламентация компетенций РКК, ПК и ТС. В частности, устанавливался перечень вопросов, для которых РКК являлись обязательной первой инстанцией. Право работника на выбор инстанции в случае конфликта на производстве (РКК или судебное разбирательство) было сведено на нет. Усиливался прокурорский надзор над деятельностью РКК.

Компетенции ПК и ТС теперь позволяли рассматривать только споры, касавшиеся установления или изменения новых условий труда и разногласий в толковании этих условий. Все конфликты, возникавшие на почве действовавших условий труда и их оплаты в рамках коллективных договоров, переходили в ведение судов (трудовых сессий). Директивы НКТ все больше насыщались декларативными установками на то, что

повышение сознательности работников по мере развертывания «социалистического соревнования» повлечет исчезновение почвы для трудовых конфликтов.

В сложившихся условиях органы власти оказались перед выбором – либо продолжать традиции трудовой конфликтологии с ее «защитительным уклоном» в пользу работников, либо произвести своего рода ревизию трудового права в сторону редукации его норм, что в гораздо большей мере отвечало корпоративным интересам государства – основного работодателя в стране. Тем самым потенциал договорных принципов в поле трудовой конфликтологии резко сокращался. В этой же логике событий было предопределено сначала снижение роли, а затем и исчезновение примирительно-третейских органов в качестве регулятора трудовых отношений.

Конфликты

разрушительного (протестного) характера

Отдельного внимания требует рассмотрение причин возникновения и способов разрешения самых острых конфликтов, принимавших характер забастовок. В постреволюционный период отношение большевистского руководства к протестному движению рабочих в корне изменилось. Если до 1917 г. забастовки/стачки рассматривались лидерами партии как показатель зрелости и активизма рабочих, считались частью революционной борьбы пролетариата за свои не только экономические, но и социально-политические права, то после революции была проведена четкая грань: положительно оценивалась забастовочная активность на частных, арендных и концессионных предприятиях, то есть в негосударственном секторе экономики; безусловно отрицательное отношение бытовало к аналогичным протестам на государственных предприятиях и в учреждениях (включая конфликты в кооперативном секторе).

В первом случае забастовки рассматривались как некоторое объективное порождение противоречий между трудом и капиталом, где за работниками признавалось право на решительные действия, что означало очевидную линию на поддержку и даже стимулирование трудовых конфликтов в негосударственной сфере. Во втором – проводилась линия обратная, связанная с недопущением/предотвращением забастовок на госпредприятиях,

а в случае их возникновения предпринимался комплекс мер по прекращению/пресечению конфликта, вплоть до репрессий в отношении активистов.

И уже в первом случае в начале 1920-х гг. был разработан достаточно четкий регламент позиции профсоюзов, которым отводилась руководящая и координирующая действия работников и сам ход конфликта роль. Назревшие конфликты, при которых переговоры с нанимателями/арендаторами не давали результатов для работавших, профсоюзные органы переводили в фазу управляемого протеста, добиваясь уступок со стороны владельцев предприятий.

В то же время власть не могла не принимать в расчет необходимость обеспечения устойчивого экономического роста, часть которого должен был взять на себя частно-капиталистический сектор. Поэтому она приняла на себя функцию регулятора напряжения и конфликтов в сфере труда. По меньшей мере, до 1928 г. линия власти выражалась в применении гибкого реагирования на возможность и допущение забастовочных конфликтов в негосударственном секторе экономики. Особенно это проявлялось на достаточно крупных арендных и концессионных предприятиях, где государство выступало одной из сторон договорных отношений и не могло допустить срыва производства.

Здесь стратегия государства заключалась, так сказать, в перехвате инициативы. Недовольство рабочих и возникавшая предзабастовочная ситуация, как правило, брались под контроль профсоюзными и партийными органами соответствующих уровней (от местных до центральных), которые вступали в переговорный процесс с арендаторами/концессионерами и либо добивались от последних уступок под угрозой грядущей забастовки, либо запускали конфликтный механизм на кратковременный период (несколько дней), чтобы в нужный момент остановить протест.

Данный вариант управляемого конфликта достаточно эффективно применялся во взаимоотношениях с крупными концессионерами и арендаторами. Документы о конфликтах пред- и частично забастовочного характера в Сибири (Берикуль, Змеиногорск, Бодайбо) достаточно ярко показывают технологию управления рабочими протестами (когда и где их заглушить, или, напротив, инспирировать). Показателен случай самой крупной концессии

в Сибири (компания «Лена-Голдфилдс»). Договор о концессии, подписанный в 1925 г. на государственном уровне, требовал от советских хозяйственных органов (Главный концессионный комитет, ВСНХ) гибкого регулирования социально-трудовых отношений на предприятиях компании, не допуская на них забастовок. И советское государство выполняло эти условия даже некоторое время после сворачивания нэпа. Однако летом 1930 г. запуск спланированной партийно-государственными органами всеобщей забастовки рабочих и служащих положил конец концессии [Рассказимов, 2018].

С протестами работников в государственном и кооперативном секторах экономики складывалась диаметрально противоположная ситуация. В подавляющем большинстве случаев здесь власть сталкивалась со стихийными, неуправляемыми конфликтами, закономерно считая их опасными, недопустимыми и рассматривая исключительно в негативном смысле.

Усматривая значительную разницу между протестами рабочих до революции и после нее, большевики делали акцент на том, что основа для протестной активности будет исчезать по мере роста экономики и уровня жизни работников. Однако именно этого и не происходило в социально-экономической действительности 1920-х гг., когда многие кризисные явления не изживались, а углублялись. Устойчивое недовольство рабочих и служащих своим положением находило выражение в устойчивых же проявлениях забастовок, часто – стихийных, кратковременных и локальных, но серьезно деформировавших ткань социально-трудовых отношений.

Историки лишь в постсоветский период обратились к этой проблеме, имевшей ранее «нежелательный статус». На выявленном эмпирическом материале было проведено сопоставление забастовочного движения в позднимперской и советской России/СССР. Так, Ю. И. Кирьянов установил, что данные за 1921–1928 гг. превышают ежегодные показатели 1895–1904 гг. (т.е. кануна революции), а также 1908–1911 гг. и 1915 г. В некоторые годы нэпа количество забастовок в России превышало 400, а число их участников доходило почти до 200 тыс. чел.

Группа исследователей под руководством Л. И. Бородкина, исходя из накопленной информации, провела более глубокий анализ причин, характера и динамики рабочего протеста 1920-х гг.

Установлено, что наибольший размах забастовочное движение на государственных предприятиях имело в первые годы нэпа (1922–1923), в 1924–1927 гг. происходит его определенное снижение, а к концу 1920-х гг. – резкое сокращение. Применительно к частному и кооперативному секторам экономики такого рода спада не наблюдалось, протестная динамика носила устойчивый характер.

В профессиональном разрезе наиболее устойчивые и массовые отряды протестующих выдвигали металлурги, горняки и текстильщики. На долю горнорабочих в 1923 г. пришлось 155 стачек с общим числом участников в 77189 чел. Преобладали экономические причины, связанные с заработной платой, хотя мотивы претерпевали изменения: если в 1923 г. протест вызывали размеры и задержка выплат, то в 1926 г. доминировало недовольство нормами выработки и сдельными расценками.

Официальные органы, отслеживавшие рабочие протесты, отмечали, что по своим причинам и требованиям они не выходили за экономические рамки. В пределах каждого года забастовок в летнее время оказывалось больше, чем в зимнее, что связывалось с притоком на производство сезонных рабочих (строительство, торфо- и лесозаготовки, грузовые работы и т.д.). Забастовки возникали чаще всего в отраслях с тяжелыми условиями труда и относительно высокой концентрацией рабочих (помимо металлургии, горной добычи и текстильного производства это еще и лесозаготовки).

Забастовки, как правило, продолжались недолго – от нескольких часов до одного–двух дней. Администрация, привлекая партийные и профсоюзные структуры, стремилась погасить конфликт, пойдя на возможные компромиссы. Если же работа останавливалась на длительное время (от недели и более), а в протестах участвовали коммунисты и профсоюзные деятели, то, помимо увольнения и арестов их организаторов, происходили «чистки» партийных и профсоюзных организаций вплоть до их роспуска и перерегистрации.

Особенные опасения у властей вызывали стихийные проявления недовольства рабочих в крупных коллективах. Так, одна из крупнейших забастовок рассматриваемого периода произошла 11 января 1925 г. на заводе «Профинтерн» в Брянске. Причиной стало понижение расценок, о котором рабочие не были опо-

вещены. В протесте участвовало до 2000 чел., среди которых оказались и коммунисты. В 1926 г. рабочие Каслинского чугуно-литейного завода (Урал) бастовали пять раз. Самой массовой стала забастовка, длившаяся с 4 по 7 июля, в которой участвовали 1800 чел. – почти весь состав литейщиков, недовольных новыми расценками и повышением норм выработки.

Во второй половине 1920-х гг. среди причин рабочего недовольства появляются, хотя и опосредованно, политические и социальные мотивы. Поводами для недовольства были отчисление в 1926 г. 1% заработной платы в фонд помощи бастовавшим английским горнякам, многочисленные кампании внутренних займов, когда часть заработка выдавалась облигациями и т.д.

Кроме того, к эксцессам приводила социальная напряженность, вылившаяся на производстве в обострение отношений рабочих с представителями администрации и специалистами. Были случаи угроз, избиений и даже увечий, а наказание зачинщиков часто вызывало у рабочих сочувствие последним, выражаемое разными способами, вплоть до остановки работы. С 1927 г. предзабастовочные ситуации возникали в связи с так называемыми продовольственными затруднениями, как они именовались в официальных сводках, и перебоями в снабжении городов продуктами. Погасить эти протесты становилось все труднее.

Очевидно, что такого рода напряженность начинала приобретать уже внеэкономическую мотивацию и направленность [Бородкин, 1998. С. 43–52].

Забастовочные акции в Сибири в 1927–1930 гг.

Мы выявили и формализовали массив информации профсоюзных органов Сибири, отразившей учетные факты забастовочных действий в регионе за период с 1927 по 1930 гг.⁶ «Матрицей» послужил бланковый формат учета протестных проявлений, включавший в себя следующие данные: время проведения забастовки, место, сфера труда, число бастовавших, их доля от числа работающих, длительность протеста, требования работников, степень организованности, способы разрешения, достигнутые результаты.

⁶ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–33.

Всего профсоюзная статистика отметила 49 трудовых протестов. Далее представлен обзор результатов анализа указанной выше информации.

По годам возникновения данные распределились следующим образом: 1927 г. – 50%, 1928 г. – 20%, 1929 г. – 20%, 1930 г. – 10%. По сферам занятости работников: строительство – 50%, сельское хозяйство – 20%, лесозаготовки – 15%, горная промышленность и транспорт – 5%, прочие (сфера обслуживания, служащие) – 10%. По числу бастовавших: до 30 чел. – 60%, до 50–20%, до 100–10%, более 100 чел. – 10%. По доле бастовавших от числа работавших: до половины работников – 50%, от 50 до 100% – 10%, полное участие – 40%. По длительности: однодневные – 37%, от двух до пяти дней – 48%, от шести до 10–11%, более 10 дней – 4%. По требованиям работников: заработная плата – 45%, условия труда, снабжение спецодеждой, питание – 25%, условия коллективного договора – 14%, комплексные требования – 16%. Фактор организованности: стихийно – 45%, стачком/инициативная группа – 38%, прораб/руководитель артели – 7%, профсоюз – 10%. Результат: требования удовлетворены – 43%, удовлетворены частично – 28%, переданы в другие органы – 4%, не удовлетворены – 25%. Каким путем улажена забастовка: прямые переговоры рабочих с администрацией – 7%, переговоры профсоюзов с администрацией – 50%, негативный исход протеста (вмешательство ОГПУ/работники покинули производство) – 10%, примирительные органы (РКК и др.) – 33%.

При использовании усредненных данных о том, каким был рабочий протест в рассматриваемый период, можно представить некоторую модель забастовок по годам. Так, в 1927 г. наиболее активно протестовали строительные рабочие (70% акций), треть забастовок проходила при участии до 30 чел., до 33% протестов проходили при полном охвате работавших. По своей длительности преобладали забастовки от двух до пяти дней (56%). По требованиям – вопросы заработной платы (61%). По организованности примерно равными оказывались стихийно возникшие (37%) и руководимые стачкомами (38%). По удовлетворению требований преобладали частично удовлетворенные (40%). По путям прекращения/улаживания забастовки – переговоры между профсоюзами и администрацией (48%).

Типичный случай забастовки 1927 г.: возникший конфликт между строителями и нанимателем (городское потребительское общество) в Рубцовске. Забастовка охватила весь коллектив (89 чел.), продолжалась два дня с требованием повысить расценки каменщикам и не снижать их плотникам. Инициаторами выступили сами рабочие. Разбор конфликта проходил при участии РКК и профсоюза, наряды на работы были скорректированы вскоре после завершения забастовки. Рабочие продолжили работу.

Противоположный по причинам и исходу забастовочный случай в том же году: постройка моста в Хакасии была прервана протестом части строителей (9 чел. из 71), требовавших пересмотра договора в сторону увеличения расценок. Возникшая стихийно и продолжавшаяся пять дней забастовка закончилась некоторой уступкой администрации, но сопровождалась «изъятием активистов» органами ОГПУ.

Для усредненной модели забастовок в 1929 г. характерны следующие показатели. Наиболее активными здесь оказались сельскохозяйственные и лесные рабочие (56%). По числу бастовавших преобладали протесты с охватом около 30 работников и продолжительностью до пяти дней (50%). По требованиям – вопросы заработной платы (34%). По организованности – руководившие стачкомами (78%), по результатам – удовлетворенные требования работников (75%). По путям прекращения протеста доминировали переговоры между профсоюзами и администрацией (56%).

Типичный конфликт 1929 г.: рабочие лесозаготовители Ангарского участка (21 чел. из 60) провели четырехдневную забастовку, требуя повышения заработной платы. Протест возглавили активисты (5 чел.), которые привлекли для разрешения конфликта отраслевой профсоюз и в результате переговоров с администрацией добились заключения нового тарифного соглашения с увеличением оплаты труда.

При рассмотрении масштабов и структуры рабочего протеста в Сибири во второй половине 1920-х гг. очевидны их производные от общих забастовочных явлений в стране и состояния самой региональной экономики. Здесь не было очагов крупного промышленного производства, протестные действия происходили в коллективах строителей и рабочих, а также объединенных в профсоюз сельскохозяйственных и лесных рабочих, то есть

в сравнительно менее индустриализированных сферах. Кроме того, труд тех и других носил сезонный характер и базировался на артельной организации.

Отсюда вытекала и определенная устойчивость рабочего протеста: и строители, и лесозаготовители, и сельхозработчие, хотя и были связаны подрядами с государственными и кооперативными организациями, однако обладали повышенной миграционной подвижностью, что позволяло им иметь некоторую свободу в выдвижении и отстаивании своих требований. Каждый год в случае неудовлетворения требований по оплате и условиям труда бастовавшие могли сниматься с работы и перемещаться в другие места.

В то же время нельзя не увидеть проявление в регионе и общих тенденций, характерных для рабочего протеста в стране. Сами требования имели повсеместно экономическое содержание; забастовки носили защитительный для отстаивания своих интересов, а не наступательный характер; несмотря на значительную долю стихийности в протестах, при наличии организованного начала он подхватывался профсоюзами, которые переводили конфликт в переговорное русло. Однако, как уже отмечалось, со второй половины 1920-х гг. экономическая подоплека протеста начинала трактоваться властями как политически окрашенная. Даже вполне справедливые требования рабочих, поддерживаемые профсоюзами, дабы не утратить влияние в рабочих массах, квалифицировались как тред-юнионизм, «меньшевистский уклон».

Эмпирический материал и исследования истории 1920-х гг. дают значимую информацию для характеристики эпохи с разнонаправленными тенденциями, одна из которых действовала в направлении усложненной нормальности, другая – в направлении упрощенной мобилизационности. Институты власти и общества сосуществовали в двух измерениях – правовом, формировавшемся кодексами законов, и директивном, искажавшем и деформировавшем кодексы. «Порча» и девальвация последних сравнима с советской денежной системой, по поводу которой современники грустно шутили, что государство, хотя и провозглашает гарантии сохранения и безопасности денежных вкладов, но не может

гарантировать безопасности самих вкладчиков. То же относится и к трудовой сфере: КЗоТ гарантировал право на труд, но не защиту интересов самих трудящихся.

Отметим следующий важный момент: в отличие от остальных кодексов, содержание которых не подвергалось переработкам, а «обрастало» комментированием и разъяснением правоприменительной практики, УК РСФСР уже в 1926 г. подвергся новой редакции, значительно скорректировавшей статьи за так называемые контрреволюционные и другие виды государственных преступлений. Это свидетельствовало о том, что в государственном функционале очевидным образом начинала доминировать охранительная тенденция. Правовое поле регулирования основ жизнедеятельности общества сжималось за счет возрастания поля режимного.

Указанные практики формирования и трансформации правового пространства в раннесоветском обществе доказывают, что 1920-е годы выступали действительно временем транзита как самой системы власти, так и ее взаимоотношений с основной массой самостоятельного, активного населения страны. При рассмотрении трансформационных сдвигов в системе партийно-государственной власти в ходе своего утверждения можно увидеть несколько очевидных «разрывов», вызывавших устойчивое воспроизводство конфликтности и социальной напряженности.

Возникло противоречие между доктринальными смыслами (социализм) и социальной реальностью. Провозглашенный транзит в направлении социализма не отменял регулятивных функций государства, и в данном контексте государство 1920-х гг. было значительно более социальным, нежели в 1930-е и последующие годы сталинского времени. Социальным в том значении, что оно выступало регулятором экономических отношений в стране, допуская активной части общества самоорганизовываться. Осуществлялось относительно мягкое регулирование сферы трудовых взаимоотношений между работниками и работодателями, а в аграрной сфере регулирование труда продолжало осуществляться на основе традиционного права. В практике трудовых конфликтов до конца 1920-х гг. их разрешение доминировало над подавлением. Это свидетельствовало о том, что при наличии и разнообразии конфликтов и кризисных ситуаций существовали и действовали правила и механизмы их урегулирования, имелся

достаточный потенциал договороспособности между государством и самодеятельным населением.

В более широком контексте решалась глобальная задача для большевистского режима – добиваться своей гегемонии. В марксистской (грамшианской) концепции гегемонии последняя представляется длительным и динамичным процессом, включающим в себя соединение механизмов принуждения и согласия между правящей группой и зависимо - подчиненными группами. Признание последними легитимности новой власти находилось в прямом соответствии с тем, в какой степени правящая группа признавала и учитывала интересы, важные для подчиненных групп. Очевидно, что «развилка» 1920-х гг. для правящей партийной элиты означала выбор между путями своего утверждения либо посредством «нескончаемой» гегемонии, либо резким сломом тонких механизмов учета и регулирования партийным режимом интересов и ценностей основного населения страны.

Литература

- Березкина О. С. Революционное взятие власти и легитимизация коммунистического режима // Война и революция: социальные процессы и катастрофы. Материалы всероссийской научной конференции. Москва, 19–20 мая 2016 г. М.: МГПУ, 2016. С. 121–127.
- Бородкин Л. И., Свищев М. А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 348–365.
- Бородкин Л. И. Кризисные и переходные исторические процессы: стачечное движение в России, 1895–1917 и 1921–1928 гг. // Вестник РГНФ. 1998. № 4. С. 43–52.
- Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука, 1990. 494 с.
- Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.
- Данилов В. П. «Бухаринская альтернатива» / Бухарин: человек, политик, ученый. М.: Политиздат, 1990. С. 82–129.
- Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
- Кочаненков С. В. Очерки истории родных мест (жизнь смоленской деревни). М., 2020. 557 с.
- Куделя М. В. Иркутский НЭП: начало конца. Дело иркутского ОМХА (1926–1927). Иркутск, 2016. 446 с.

Рассказимов А. А. Всеобщая забастовка 1930 г. в Сибири как средство ликвидации концессии «Лена Голдфилдс Лимитед» // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 100–104.

Статья поступила 04.03.2021
Статья принята к публикации 15.03.2021

Для цитирования: Красильников С. А. Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4. С. 45–70. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70

Summary

Krasilnikov, S. A., *Doct. Sci. (History), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk*
Power Crises and Labor Conflicts During the NEP Period

Abstract. The post-revolutionary period, which lasted almost 12 years, until Stalin's "revolution from above" despite being extensively studied remains a field of scientific debate due to the previous focus on ideological-political events, when the first plan was to transform the foundations of society, the world of work. Meanwhile, this problem requires an obvious rethinking, since it affects a number of essential aspects of the interaction of government institutions with the socio-economically active layers of society. These include: the nature and dynamics of the legitimacy and perception of power primarily by the proletariat, on whose behalf the government positioned itself; conflict in the sphere of social and labor relations; the nature and dynamics of social tension. The 1920s are considered as a certain unstable state, the coexistence and interaction of normal socio-economic rules and practices and the doctrinal interests of the institutions of power in maintaining their dominance. It appears that among the causes of crises, "killing the new economic policy", the main ones were not so much political and economic as a crisis of legitimacy, trust and support of the majority of the population that forced the Bolshevik leadership to the restoration of the proven in the years of Civil war ideocratic (*power of idea*) and protective mobilization model of social management. The author considers such aspects of the crisis legitimacy as manipulation of social tension, gaps between the propaganda and the reality, which led to 'desacralization' of power, labor conflicts, and the labor protest.

Keywords: dictatorship; crisis of dictatorship legitimacy; social tension; labor law; labor conflicts; labor protest; NEP

References

- Berezkina, O.S. (2016). The revolutionary takeover of power and the legitimization of the communist regime. In: *Voyna i revoliutsia: sotsial'niye processy i katastrofi*. Papers of Russian science conference. Moscow, 2016. May 19–20th. Moscow, MGPU Publ. Pp. 121–127. (In Russ.).
- Borodkin, L.I. (1998). Crisis and transitional historical processes: the strike movement in Russia, 1895–1917 and 1921–1928. *Vestnik RGNF*. No. 4. Pp. 43–52. (In Russ.).

Borodkin, L.I., Svishchev, M.A. (1992). Retro forecasting of the social dynamics of the pre-collective farm peasantry: the use of simulation-alternative models. In: *Rossiya I SShA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskiye metodi v istoricheskikh issl'edovaniyakh*. Moscow. Pp. 348–365. (In Russ.).

Bukharin, N.I. (1990). *The road to socialism. Selected works*. Novosibirsk, Nauka Publ. 494 p. (In Russ.).

Danilov V.P. (1990). “Bukharin’s alternative”. In: *Bukharin: chelovek, politik, uchenyy*. Moscow. Politizdat, Pp. 82–129. (In Russ.).

Esikov, S. A. (2010). *Russian village in the years of the New Economic Policy: on the issue of alternatives to Stalin’s collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)*. Moscow. ROSSPEN, 246 p. (In Russ.).

Kochan’enkov, S.V. (2020). *Essays on the native places’ history (life in the Smolensk village)*. Moscow. 557 p. (In Russ.).

Kudelya, M.V. (2016). *Irkutsk NEP: the beginning of the end. The case of the Irkutsk OMKh (1926–1927)*. Irkutsk. 446 p. (In Russ.)

Rasskazimov, A.A. (2018). The general strike of 1930 in Siberia as a means of liquidating the Lena Goldfields Limited concession. In: *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*.. Vol. 25. No. 4. Pp. 100–104. (In Russ.)

Velikanova, O.V. (2017). *Disappointed Dreamers: Soviet Society of the 1920s*. Moscow, Polit’icheskaya Enciklopedia Publ. 295 p. (In Russ.).

For citation: Krasilnikov, S. A. (2021). Power Crises and Labor Conflicts During the NEP Period. *ECO*. No. 4. Pp. 45–70. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70